

О ПРИЗЫВЕ ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ

Каждый раз при приеме нового Ученика в стенах ложи звучит, или, по крайней мере, должен звучать древний девиз, точнее принцип, следовать которому во всех начинаниях и помыслах — наш священный долг. По крайней мере, в ритуале посвящения в первый градус по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу четко и недвусмысленно определены три основополагающих принципа, на которых строится, или должна строиться, масонская работа.

- Не делай ближнему того, что не желал бы, чтобы делали тебе.
- Твори ближнему все то благо, которое желал бы, чтобы ближние творили тебе.
- Познай самого себя.

В этой работе я хотел бы затронуть не этический, а когнитивный аспект масонского долга, причем, в данном случае, долг этот троичен, поскольку это долг человека вообще и вольного каменщика в особенности одновременно пред самим собой, пред своими ближними и пред Богом, тот самый долг, описательное подтверждение верности которому должен представить ложе кандидат перед тем, как ему будут открыты двери Храма. Почему так, и как исполнение этого долга непосредственно влияет на становление отдельного вольного каменщика и масонского Братства в целом, я и намерен рассмотреть в данной работе.

Само веление «Познай самого себя!» (греч. *Gnothi se auton*, лат. *Nosce te ipsum*), по легенде, было начертано на фронтоне храма Аполлона Дельфийского в качестве напутствия всякому входящему. Как сообщает Платон в диалоге «Протагор», оно является плодом совместных раздумий «семи великих мудрецов» Древней Греции. Он пишет, что однажды Фалес, Питтак, Биант, Солон, Клеобул, Мисон и Хилон (VI в. до н. э.) собрались в храме Аполлона в Дельфах и в результате долгого диспута пришли к абсолютной, по их мнению, истине. Найденную истину — «познай самого себя» — они и написали на стене храма в Дельфах. Отсюда традиционное название этого тезиса — «заповедь Дельфийского оракула», или «заповедь Хилона».

Действительно, существуют серьезные основания для того, чтобы полагать этот принцип основным во всей когнитивной деятельности человека. Тем более, что в своем полном виде этот призыв обещает познавшему себя также и постижение Вселенной и богов.

Многие века существования теологии, сначала примитивной, затем все более развитой и многоплановой, во многом разделяющей одно исследовательское поле с философией и претендующей в нем на монополию, - показали, что и ее основной вопрос рано или поздно, в той или иной степени возвращается к древнейшей истине, с которой фактически и начиналась теория познания вообще. Действительно, если полагать основным вопросом теологии направление познания Высшей Сущности, иными словами, упрощая - «Кто есть Бог?» - то вариантов преследования цели познания оказывается не так много. Либо исследователь оказывается в осознанном тупике и признает принципиальную непознаваемость Бога, как осознанно непознаваем

феномен распятия для Тертуллиана; либо он обращается к спасительной ниточке отождествления с Богом более явных и постижимых предметов и явлений. Так христианин видит познание Бога в познании Богочеловека, так мормон видит познание Бога в приближении к нему по статусу посредством инициации, так буддист видит себя во всеединстве Атмана, где понятия отделенного от реальности Бога, собственно, и нет, а поэтому нет и традиционных для иных вероисповеданий противоречий; так телемит представляет раскрытие собственной сокрытой божественной сущности посредством магических практик и опять-таки инициаций.

Эта религиозная теория познания является одним из двух плодов древнейшей универсальной легенды о сотворении человека Богом по образу и подобию Своему. С одной стороны, человек поэтому вечно ищет Бога посредством постижения, а следовательно — усвоения себя самого и своих ближних, а с другой стороны — наделяет своими чертами и чертами своих ближних Самого Бога. Иначе говоря, если, по Пифагору,

«Бог вечно геометрирует», то человек - «вечно антропоморфирует», свято веря при этом, что это не он принижает горние феномены до своего уровня, а сам поднимается в горние выси. Наверное, наиболее четко и зримо эта тенденция проявляется в различных учениях о самосовершенствовании, в особенности магического рода — когда те или иные учителя или группы претендуют на изменение сущности человека относительно Бога, то есть на придание человеку иных свойств, нежели те, которые были ему даны при рождении.

Т. Якобсен, например, приводит не самое банальное из объяснений этого явления через психологические особенности человека в ипостаси ребенка: «Опыт неизбежно вбивал все глубже клин между бесстрастным, ужасающим, космическим аспектом божественного, управлявшим действительным ходом вещей, и лично заинтересованным, гневным, прощающим, любящим аспектом, в котором я, личность, значу так много, что из любви ко мне Вселенная может сойти со своего пути, лишь бы помочь мне». Из области детской психологии здесь также напрашивается ассоциация с другой популярной матрицей детского поведения — стремлением «стать хорошим», то есть какими-либо своими действиями или словами заслужить благосклонность старшего, со временем или сразу получая за это какие-либо блага.

В то же время, если отстраниться от теологического аспекта познания, то придется либо ограничиться чисто физиологическим подходом, либо прибегнуть к энергетическому. Подход врача к познанию человека заслуживает уважения, однако оставляет человека ищущего неудовлетворенным. Отлично изучив механизмы нервных и кинетических реакций в организме человека, исследовав все тонкости биохимических реакций, происходящих между гормонами и ферментами, постигнув гармонию организма, ученый все равно не в состоянии сказать, глядя на собеседника честными глазами, что познал себя. Исследователь-эзотерик, оставаясь в духовной сфере и русле Традиции, изучает себя своими собственными методами, но и тогда вопрос познания самого себя приобретает слегка абсурдные черты.

Вот что пишет, например, Омрам Айванхов: «Познай самого себя» — такова надпись на фронтоне храма в Дельфах. Но что это за «Я», которое надо познать? Свои недостатки, свои качества? Нет, это еще не значит — познать себя. Познать себя — это знать различные тела, из которых состоит

человек (физическое, эфирное, астральное, ментальное, каузальное, буддхическое, атмическое), и потребности этих различных тел». Возникает закономерный вопрос: ну хорошо, всё это сделано, различные оболочки чистого духа постигнуты и изучены под микроскопом — а для кого? И зачем? И относительно кого или чего? Без наличия Абсолютного критерия поиска Истины в самом себе вряд ли могут увенчаться успехом.

В данном случае, масонство выгодно отличается от этих учителей или групп тем, что претендует исключительно на этические преобразования в человеческой природе, охватывающие лишь суть взаимоотношений человека со своими ближними. Ведь не дано человеку постигнуть пути Господни, и выдавать за это познание постижение всего лишь путей человеческих было бы подлогом. И масонство, по сути своей, от возможности такого подлога далеко. Чем же занимается масонство и в чем сущность масонского тройственного долга, о котором говорилось ранее?

Банальностью было бы сказать, что масонство занимается только и единственно поиском Истины. С более или менее значительными вариациями эту цель указывают в качестве центральной и своей собственной все мировые религии, философские и нравственные течения, зачастую даже политические партии и общественные движения. Что же есть Истина?

Банальностью было бы сказать, что Истина есть Бог, ибо в таком случае пришлось бы возвращаться к нашим рассуждениям о познании Бога человеком и признать, что поиски Истины практически в любом случае возвращают нас к поискам внутри человека и человечества, а следовательно, мы вынуждены будем признать, что Истина есть феномен не сверхчеловеческий, надмирный, а принадлежащий к сфере человеческого, в то время как согласно религиозной вере, Истина есть Бог, - но тогда это значило бы утверждать, что Бог постигается изучением человечества, что абсурдно. Так как же постигнуть Истину и познать самого себя?

Юрий Семенов в статье «Предмет философии и система философского знания» так пишет о поисках Истины: «Существует такой объект, который исследуется исключительно лишь философией и никакой другой наукой. Этот объект – истина. Все науки ищут истину, но все они, исключая философию, ищут истину в чем-то отличном от истины. Философия ищет истину об истине. Она является наукой об истине, теорией истины. Такого мнения придерживались, в частности, Аристотель и Гегель. Философия исследует процесс постижения истины, т.е. является теорией познания истины или просто теорией познания (гносеологией). Исследуя процесс постижения истины, философия указывает путь, ведущий к ней, т.е. является методом познания истины, методологией. Истина есть соответствие, совпадение между сознанием и миром».

Можно ли, таким образом, ставить знак равенства между философией и масонством? Отчасти да, поскольку масонство предлагает своим посвященным именно методологию, алгоритм постижения Истины посредством изучения аллегорий и символов, оставленных искателями Истины в прошлом. Одновременно с этим оказывается возможным обойти и спорный и скользкий вопрос о том, что есть Истина, ответа на который человечеству не удалось найти за все время существования. Когда маленький ребенок рисует Бога и его спрашивают, как он на это решился, ведь Бога никто не видел, - ребенок отвечает: «Ну и хорошо, а вот теперь

увидят!». Точно так же и философия, и масонство видят свою цель в обретении Истины и открытии ее окружающему миру для его просвещения. Причем, масонство еще особым образом оговаривает условия обретения Истины человечеством: Истиной наделяются лишь те, кто оказался достоин обладания ею, иными словами, те, кого сочли таковыми уже обладающие истиной.

Теперь возвратимся к тому, с чего начинали, к основному вопросу познания. Прервав рассмотрение его теологической стороны, сконцентрируемся лишь на стороне социальной, коммуникативной. Не в состоянии познать себя самого отдельно от Абсолютного Эталона и себе подобных, человек всегда либо устанавливает эталон и проводит его сравнение с собой (об этом подробно см. в «Морали и догме» А. Пайка, глава 28), либо обращается вовне — к своим ближним, питая идеалистические надежды на опосредованное познание себя путем познания своих ближних.

Любой вопрос, который человек задает Вселенной вокруг себя, преследуя любую цель и обращая его к любому конкретному лицу, предмету или явлению, в центре своем и в сути своей имеет цель определения собственного положения в данной системе координат. Достаточно проанализировать, что по-настоящему говорит человек, когда произносит те или иные слова. Этому учат, в частности, трансперсональная психология и трансформативная грамматика, в частности, работы Ноэма Хомского.

- «Который час?» - «Как пройти в библиотеку?» - «Как дела?» - «Ты меня любишь?»

- «Когда же это кончится?!» - «А ты кто такой?» - «Что делать?» - «Кто виноват?» - «Куда бежать?»

Здесь нет ни единого вопроса, который нельзя было бы свести к архетипу, единому и единственному вопросу вопросов, который каждый раз и задает человек снова и снова окружающему миру в целом, лишь испытывая иллюзию, что он задает разные вопросы разным людям. Это вопрос - «Кто я?». Человек ежесекундно определяет свое положение в мире относительно других лиц, предметов и явлений, соотнося свои свойства с их свойствами, как слепой, который ни на секунду не перестает ощупывать пространство вокруг себя тростью.

Закономерно теперь поинтересоваться, а какой же будет архетипический ответ на этот архетипический вопрос. Этика, философская традиция, религиозная мораль и романтические идеи ловцов человеческих душ в прошлые сентиментальные века навязчиво подсказывают, что архетипический ответ человека — человеку должен быть «Ты — я». «Мы с тобой одной крови», «возлюби ближнего своего как самого себя», «все люди — братья» и так далее. Да ради Бога. Эти призывы замечательны своим нравственным и социальным уроком. Однако истинны ли они? И ведут ли они к постижению Истины? Вряд ли. Братство не подразумевает единение и тем более единство. Нужно быть или совершенно просветленным махатмой, оторвавшимся от Земли, или полным идиотом, чтобы отказываться видеть, что единства во человечестве нет и никогда не было.

Объективная реальность недвусмысленно указывает нам на совершенно иной архетипический ответ, который человек неизменно получает, направив в окружающее пространство вектор отчаянного «Кто

я?». Со всех сторон в его сторону немедленно устремляются встречные векторы, несущие с разной интенсивностью один и тот же смысл: «Я — я». В современной раздробленной реальности, при современном уровне атомизации общества, близком к наивысшему в истории, человек чаще всего не получает удовлетворения своих запросов, не получает помощи в самоидентификации, но оказывается мишенью для заявлений о самоидентификации других. В ответ на практически любой свой вопрос человек получает совокупность субъективных мнений другого человека, его собственных или им заимствованных, и максимум, что он может сделать — это в большей или меньшей степени присвоить их и осмыслить, пытаясь оценить, взвесить и сделать своими. Это действительно помогает познать ближних, но усвоение их личностей посредством присвоения их мыслей приводит в конечном итоге к постижению не собственной первичной личности, а лишь собственной личности, измененной вследствие усвоения личностей других, а значит, весь процесс обесценивается.

Итак, возможно ли обретение объективной Истины посредством познания своих ближних? Вряд ли.

Недаром Маршалл Маклухан в свое время сформулировал главную особенность идеологии нашего времени - «Medium is the message», «сообщение есть сообщающий». Более пятидесяти лет развития социологии, психологии и лингвистики привели в наше время к победе дескриптивного (описательного) подхода к реальности над прескриптивным (предписательным). И Ж. Деррида, и Дж. Граймс посвятили сотни страниц рассуждениям о современной реальности, где не существует чистых идей, чистых обществ и чистых личностей, но всё и все являются продуктами коммуникаций и тех или иных сиюминутных планов и целей, которые существуют лишь мгновение и сменяются новыми, иногда совершенно иными и даже противоположными. Целостной картины мира в настоящее время не существует, мир расколот и продолжает дробиться, создавая из некогда единой реальности — множество персональных реальностей, существующих на равных и хаотически сражающихся между собой в силу коренных противоречий или, напротив, пребывающих в изоляции друг от друга.

В наше время в обществе открыто существуют социально одобряемые модели «создания собственного мира», «ухода в собственный мир». В значительной степени за счет масонства в мире наконец достигнут идеал социального равенства, и в большинстве цивилизованных стран мира всякий сообщающий равен всякому другому сообщающему.

А следовательно, установилось и относительное равенство сообщений между собой. Однако вслед за этим равенством, пришедшим в общество вследствие свободы, не последовало пришествия братства, а напротив — человечество фактически перестало существовать, превратившись в совокупность личностей, автономных и индифферентных по отношению друг к другу элементов. В данной среде и в современных условиях человек не имеет возможности познавать самого себя ни одним из описанных выше способов и постепенно дичает и опускается.

Масонство же с самых первых дней существования пребывает в вечном кризисе идентичности. Говоря простыми словами, оно на протяжении большей части своей истории оказывалось не в состоянии связно разъяснить самому себе цель своего собственного существования и что оно вообще представляет собой. Если принять точку зрения Р. Генона и

ряда других исследователей, оно имело эту цель в оперативные времена, но было профанировано в «ложях джентльменов», пришедших на смену артелям мастеровых. Согласно другой, диаметрально противоположной, точке зрения, представленной трудами А. Пайка, М. Холла и десятков других ученых, именно «ложи джентльменов» явились продолжением древней эзотерической Традиции, на этом этапе просто использовавшей форму артелей мастеровых. Споры о верности той или другой точки зрения, о происхождении масонства и его целях и в XVIII веке, и сейчас являются чуть ли не самым любимым занятием вольных каменщиков во всем мире. Результативность их приближается к результативности плаванья на спине в абрикосовом желе — неопасно, многим даже приятно, но неглубоко и недалеко.

Зато гораздо четче, очевиднее и ближе к нам располагается область современного целеполагания масонского Братства. И здесь видится вполне возможным наметить определенные сферы применения его многовекового опыта. Сент-Ив д'Альвейдр, как известно, ввел в эзотерический, а затем и политический обиход понятие синархии — единения духовной, военной и светской власти на основе истинной Божественной преемственности. По аналогии с этим понятием можно говорить и о синесофии — как единстве мудрости, знаний, опыта и методов познания всех людей.

Современные области научного познания демонстрируют постепенное сближение узких дисциплин, на которые гнозис последовательно распадался все последние две тысячи лет. Все больше научных работ пишется на пограничные темы, требующие владения несколькими научными специальностями. Логично было бы предположить, что вектор этот направлен в сторону восстановления единства гнозиса, реинтеграции наук, искусств и духовных учений.

Произойдет это или нет, но в любом случае, на современном этапе масонство может найти себя, свое место в мире и свое предназначение в предоставлении общего пространства всем тем, кто обладает знаниями и желанием ими делиться с себе подобными. Чисто количественное соединение многих сообщающих может привести и к кумулятивному росту значимости сообщения, которое масонство несет миру вне зависимости от отношения мира к самому масонству. Это значит, что сохраняется потенциал воздействия масонства на окружающий мир, а следовательно — потенциал познания масонством и каждым отдельным вольным каменщиком самого себя.

1. В. Серов «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений», М.: «Просвещение», 1982
2. Омраам Микаэль Айванхов «Познай самого себя». Джнани-йога, Минск: «Просвета», 2005
3. Предмет философии и система философского знания. Тезисы межвузовской региональной конференции, Челябинск, 1981
4. Торкильд Якобсен «Сокровища тьмы: История месопотамской религии». М.: «Восточная литература», 1995